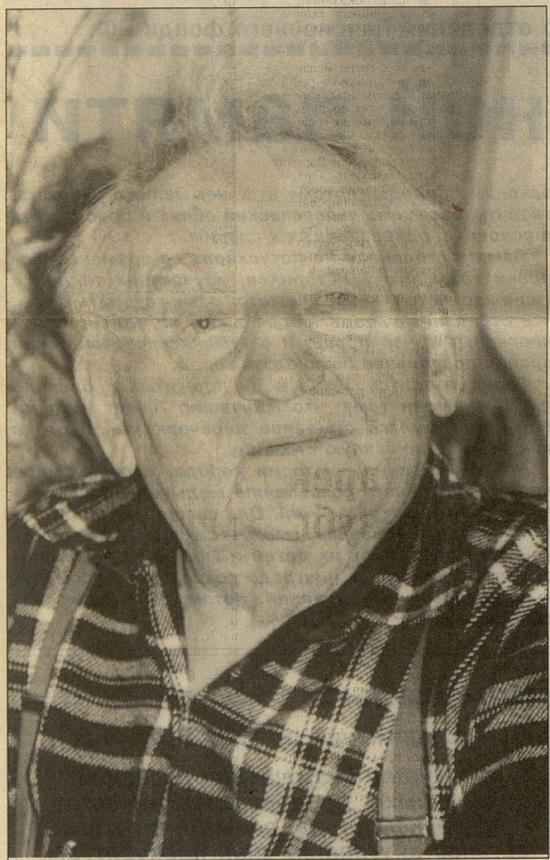

За мертвых обидно и перед живыми стыдно

Жизнь круто протачила его по часовой извилистой руслу. И, как это часто случается с людьми, рожденными в глухие времена смуты, он, пожалуй, теперь и сам не скажет, в какой степени «путешествие» вышло удачным и успешным. Прожито — и точка. Ибо много чего перевидал Степан Адамович Волосевич на этом свете — страшного и смешного, обидного и достойного, наивного и трагического...

Можно считать, наверное, что Волосевич повезло больше других: в 20-е его обогнала стороной жестокая голодоморская Гражданской войны; потомственный обитатель бедной и темной белорусской деревни, он в 30-е годы сумел вырваться за круг традиционного уклада жизни и получил в Ленинграде образование, о котором прежде в семье никто не мог даже мечтать; он не был заключен «врагом народа» (хотя подбирался и к нему), его миновали сталинские лагеря; наконец, в 1941 году он избежал отправки на фронт (если, конечно, Ижорский завод, где Степан Волосевич работал цеховым начальником, можно было считать тылом), не попал под фашистский снаряд, не умер от голода в осажденном Питере.

Ему повезло больше других, ибо, пережив на своем веку многих друзей и близких, он не пытается, как многие, играть роль человека, брошенного жизнью и забытого единомышленниками. И, дожив до глубокой старости, сохраняет трезвость ума и ясность сознания. А еще — крепкий, неистовый юмор, свойственный лишь людям, лишенным болезненного цинизма и чувства враждебности к окружающим...

Было время — он мог пойти по номенклатурной части. Но профессиональным партийцем Степан Волосевич не стал. Высшее партийное начальство, недовольное «сомнительными контактами» Волосевича поставило на его номенклатурной карьере большой и жирный крест (последние заключались в том, что Волосевич, тогдашний сек-

ретарь райкома комсомола, делил комнату с опальным — при Сталине — соратником Феликса Дзержинского, сосланным в провинцию на партию).

Ему нельзя было оставаться в Ленинграде, и он в буквальном смысле бежал в Россию, в Ленинград, где, кажется, никто, ни одна чиновничья душа не знала, кто такой Степан Волосевич и какие там у него на родине служебно-партийные неприятности. В Ленинграде Степан Волосевич выучился на инженера-металлурга. Уклонился от надвигающейся грозы. Или ему только казалось, что уклонился?

Некоторое время спустя, когда в стране покатилась очередная волна арестов и расстрелов, его вызывают на Литейный и припомят близкое знакомство с местечковым «лидером террористической троцкистской группировки», с которым Степан Волосевич был дружен в детстве. В сценарии деятельности этой самой «группировки», составленном энтузиастами на окольную руку, Волосевич значился связным. Мне показалось, он и сегодня не может понять, как ему удалось выйти из «Большого дома» живым и свободным. Но ведь вышел же! Жизнь подарила Степану Волосевичу приятное «исключение из правил». И надо признаться, таких исключений в судьбе Степана Волосевича было немало.

Война и блокада не совершили в его жизни героического перелома: он продолжал работать, как требовали время, партия и правительством. Рассказывает он об этом буднично и просто — без па-

фоса, без слезы, без надрыда. Или воспоминания с годами эмоционально «остыли»?

Осенью 1941 года, когда фронт расположился буквально за стенами Ижорского завода и рабочие стали «по совместительству» солдатами-ополченцами, он много раз видел, как люди, окончив смену, разбирали из козел учебные винтовки и охотничьи ружья (настоящее боевое оружие было редкостью) и отправляли на передовую. Тогда же, в декабре 41-го, война заставила Степана Волосевича стать «похорончиком» — термической печь в его цехе была превращена в крематорий, где сжигали тела погибших. Это был первый крематорий блокадного Ленинграда...

В холодном, ледяном декабре 41-го на Ижорский завод приехал тогдашний командующий Ленинградским фронтом Федюнинский. Он просил о помощи. В боях под Колпино наши войска несли тяжелые потери, а хоронить убитых в армии не было ни сил, ни времени. «Могут ли ижорцы помочь нам в этом?» — спросил командующий. Главный инженер завода Авверин ответил ему: «Попробуем».

В цехе № 3, которым руководил (командовал?) Степан Волосевич, было две печи с выдышкой подом — в них производилась термическая обработка листового железа. Печи, конечно, работали от случая к случаю — не хватало топлива, завод к зиме уже практически «встал». Волосевич предложил использовать одну из них для сжигания тел погибших. Маэут командование фронтом «нашло» в Ленинградском морском порту. Однако, для того чтобы форсунок печи заработал, требовался сжатый воздух или пар, которых на обледеневшем заводе не было вовсе. Тогда смекалистые ижорцы подогнали к цеху паровоз и длинными шлангами соединили его с печью...

— В ту же ночь с фронта на завод пришла машина с трупами. Мы погрузили убитых в печь и включили форсунки. Оставшиеся после кремации золу остудили и персыпали в железные банки из-под карбида, а именные списки несли в

первый (секретный) отдел... Некоторое время страшный груз так и стоял в цехе. Но машины с фронта приходили на завод чуть ли не ежедневно, убитых было очень много, печь работала круглые сутки... Когда же самодельные урны стали куда-то ставить, их перенесли в траншею, отрытую за стеной механического цеха. Такие траншеи назывались щелями — в них рабочие завода прятались от фашистских бомб и снарядов...

По подсчетам Степана Волосевича, за несколько месяцев 41-го и 42-го года в щелевой печи были сожжены останки более 6000 солдат и ополченцев Красной армии. Траншею, в которой защитники города нашли свой последний приют, впоследствии «законсервировали» — то есть попросту закопали. Дальнейшая судьба братского захоронения Степану Волосевичу неизвестна. Скорее всего, считает он, прах убитых по-прежнему покоится там, где его оставили ижорские рабочие. Списки с именами и фамилиями из «первого отдела» странным образом исчезли. После войны их так и не смогли найти. Поэтому поименно вспомнить всех, кто сгорел в прифронтовом ижорском «крематории», сегодня практически невозможно...

— В том, что пережизнорения не было, я совершенно уверен. Горю, в пятидесятые годы на месте братского захоронения поставили памятник. Я, к сожалению, тогда уже не мог попасть на завод и не знаю, что на памятнике написано. А это существенно, ибо в исторической книге «Ижорцы», выпущенной в 1960 году, черным по белому написано: заводской крематорий сжигал тела погибших от голода и обстрелов коллиньских блокадников. В то время как на самом деле это были воины Красной армии. Возможно, создатели памятного знака повторили ошибку (или сознательный обман?) автора книги. Нас же, свидетелей и участников тех событий, почти никого не осталось в живых. А уносить с собой в могилу правду о страшных ижорских блокадных днях мне не хотелось бы...

Откуда в нем эта энергия, эта поразительная неуспокоенность, неравнодушие к чужим судьбам? Эта почти детская уверенность, что все в жизни должно быть устроено «как положено»? В соответствии с христианскими и человеческими законами. Как будто факты его собственной судьбы и биографии ни разу не опровергали его наивного тезиса. Как будто жизнь и власть ни разу не били его лицом об стену...

Человек старой, советской закалки, Степан Волосевич не верит в Бога. Но для того чтобы оставаться честным перед самим собой и своей памятью, такая вера необязательна.

— Нужно пережизнорения ребят, вернуть им имена. Родные, наверное, даже не знают, где их чада похоронены...

Степан Волосевич поднимается из-за стола, идет варить кофе, как будто давняя привычка, что «деловой разговор» окончен. След за кофефельными чашками на кухонном столе появляется душистый мед — с его личной, персональной пастки. Мед, пахнет цветами и травмами ушедшего лета, переливается на свету смолыным янтарным блеском... Дорога на пасеку не близкая — километров сорок на электричке. В девятидесяти лет не багавещаясь. И да-таки...

— Пчеловодство меня еще отец обучил. И я, признаться, давно о собственной пасеке мечтал. Курил участок с домом, ульи поставил. Теперь вот на пенсии, сам себе и пчелам хозяин. Пчелы — они как люди: душевного отношения требуют...

Помолчал, задумчиво постукал о стол черенком кофейной ложки:

— Ты вот что, про меня много не пиши. Чтоб люди не подумали: мол, распустил мужик перья на старости лет, расквасился почем зря. Ты, главное, расскажи про тех солдат, что в безымянной траншее за цехом похоронены. А то ведь не красиво получается. Люди за Родину жизнь отдали, а у них теперь и вспомнить никому. И за мертвых обидно, и перед живыми стыдно...

Андрей ВЕРМИШЕВ

Фото автора

“Я пришла с войны в двадцать восемь лет”

Блокадные годы отодвигают все дальше в глубь времен. Поэтому сами слова «блокада», «блокадник», «увы, все чаще ассоциируются не с трагедией и героизмом тех событий, а с какими-то собесовскими хлопотами, очередями, льготами. И все меньше остается людей, которые могут просто рассказать — часто уже правникам — о пережитых нечеловеческих страданиях, о силе духа, которая помогла выстоять.

Одно дело — дежурное мероприятие в школе или в красном уголке. Другое — когда бабушка, родная, близкая, домашняя, вспоминает о своей жизни. Правда, часто они вспоминают пережитое очень скупо. И не потому, что память подводит. Просто воспоминания тяжелые. Мария Васильевна Сенина, которой за 80, говорит: «Не хочется об этом говорить. Страшно».

— Я как-то раз своим устарила... блокаду. Внуки капризничали. Я говорю внучке: «Бери кастрюлю с водой». Она говорит: «А теперь на огонь ставь». Вода вскипела. Я взяла кусок хлеба, на глаз граммов 150 отрезала и в кипятке, в эту кастрюлю четырехлитровую попросила. Они смотрят на меня удивленно. «Вот это дневная норма питания в блокаду». Это чтобы не капризничали: то не вкусно, это не так...

— Мария Васильевна прожила в блокадном городе самые страшные 1941 и 1942 годы. С 1942 года была на фронте, под Невской Дубровкой, а дальше прошла со своей дивизией по Прибалтике, Польше, Чехословакии, Германии... День прорыва блокады запомнился грохотом салюта. Но пришлось ярче запечатлеть в памяти другое: то, что кому-то может показаться негероическим, чересчур бытовым... Да и работа у Марии Васильевны была в армии что ни на есть «жилищная» — почти сразу же после того, как ее привезли в транспортную роту, был убит повар, и молодой женщине (схоронившей в блокаду обгоревших и мужа) довелось кормить оборонявшихся горюд бойцов.

— Я как пришла в армию, сразу паек выдали, семьсот граммов хлеба. А старшина наш все повторял: девочки, только не ешьте сразу, нельзя. Теперь-то все знают, что можно было просто погибнуть, если сразу съесть... А была совсем слабая. По лестнице к себе поднимающаяся на третий этаж, одной рукой за перила держась, чтобы не упасть, а другой рукой ногу на ступеньку переставляешь... Так что армия меня от гибели спасла. До войны я работала на «Светлане», оттуда в декрет ушла, а назад вернуться не успела. Дети умерли перед самой войной. Мне, как неработающей, полагались 125 граммов хлеба, мужу — 250, он работал, был на казарменном положении на Балтийском заводе. И не выдержал голода, умер. Я вообще думаю, что женщины у нас сильнее, выносливее мужчин, все на нас держится.

(Во время блокады, говорит М. В., многие молодые женщины обнаруживали неполадки с

организмом, принимали их за беременность и в страхе бежали к врачу: ребенок сейчас, в это время — катастрофа... Поинок женщины-врачи, которая грубовато успокаивала девочек: «Ишь какая выискалась, живешь, что ли богато, ешь досыта? Тоже мне, беременная нашлась...» Сбои были следствием голода и холода...)

— Итак, вы стали воином. Чем кормили солдат?

— Я расскажу, так вы не поверите. Потом-то полечее стало, крупы появились, когда в наступление пошли. А сначала из муки клешки, одна мука. Заклипчу воду, сделаю такую болтушку и ложкой эти клешки мучные кидую. И еще такие лепешки делала, вроде лапши, мы их «портянками» называли. А потом уже и крупы, и консервы иногда. Помню, в Красном селе нашли сыр такой, в бочках, много сыра. Раздали кашу, сухарей. Тяжело было. Когда пошли в наступление, хоть и не на самой передовой была, все-таки хватало. Кто ранен, кто контужен, кто убит... Вечером кашу сварю, беру такие термосы большие, на тридцать — сорок человек, и тащу эту кашу на себе. Один раз ранена была, правда, легко. Но сейчас инвалидность у меня по общему заболеванию, ранение не считается. Но тут я сама виновата.

— То есть... — Лежала я в госпитале и переживала, не слышала ничего из-за контузии. Реву, реву, а доктор на меня как топнет ногой: «Успокойся, будущее слышать, будущее говорить». Молодая же была — я с войны пришла в двадцать восемь лет. И тут машина приехала из нашей дивизии, девочки наши, бойцы. Вот я и надумала сбегать из госпитала, потому что не хотелось попадать в чужую часть, привыкать к новому коллективу, лучше со своими. Потому и справки о ранении нет. Да ничего, и так пенсия неплохая. Я помню, отходили мы с подружками, мечтали живыми прийти к войне и дальше жить; вот, теперь будем на всем экономить, деньги подкапывать, чтобы пожить по-человечески. Лет пять хоть пожить, говорит она, а там и умереть не жалко...

— Много у вас в роте женщин было?

— Да нет. Помню двух девочек, совсем молоденьких, 1926 и 1924 годов рождения. Начальник склада, Раешкиной ее фамилия была, все говорила мне, все же ластаще, по-человечески. Но вообще-то нам повезло, бойцы наши нас уважали, как могли заботились. Бывает, останавиваемся где-нибудь и их просим: «Ребята, отойдите в створочку куда». Женщине же, хоть и на войне, помыться нужно, переодеться, бельешко простирнуть и высушить. И мужчины наши очень хорошо в это понимали, входили в положение. Вообще друг другу помогали. У нас ведь люди всяких

профессий были. Я вот повар, а были портные, сапожники. Я на кухню управляюсь, иду портным помогаю: разглаживать шинели — там швы, клепаны... Разное, конечно, было. Помню, появилась одна и очень скоро в декрет ушла, комиссовали. А так все было нормально... Люди, конечно, все были разные. Один боец, например, очень боялся. С ним просто истерика случалась, от одной мысли, что на передовую придется под пули. Что ж, его ставили куда-нибудь на склады часовым, часовым тоже кому-то надо быть...

И всегда смеялись. Один боец все: «Мама, война кончится, женюсь на тебе». Не могли не смеяться. Потому что вокруг страшное, хотелось это страшное от себя отключить, прыгнуть в какой-нибудь котелок, вытаться укрыться. Едешь в грузовике, и начинаешь бомбить. Из машины выскочишь, падаешь, прячешься под лист фанеры, под крышку от чемодана, какое там укрытие... Или зимой привал. Хочется полежать, куда лечь — на снег? Лап еловых постелешь и ложиться. И костерок разожжешь, греться. А не греться можно разжечь костер или, бывает, только загорелся и тушить приходится, летят эти «рамы»...

— Потом уже столько странности. Я уже подзабыла все эти города, в которых побывала. И все думали: Боже мой, в какую это нас даль занесло! Неужели отсюда вернемся домой? Один день прожит — и слова Богу живы пада... А что внушало жгива до сих пор — я думаю, это судьба...

— А потом, после войны? — Хотела вернуться на «Светлану». Но в мой цех уже брали только с десятилеткой, а у меня семилетка — у матери с отцом нас восемь было, пришлось рано идти работать... Ну, я потом устроилась, работала. Только три года, как бросила работу. За муж вышла. Приходят двое братьев с фронта, а с ними парень молодой, Сенин. Они меня и не знали, уговаривать: выходи за него, ты молодая, что ж в одиночестве хорошеешь? Не сразу, но уговорили. Он, муж мой второй, умер в 90-м году. А я живу. У меня уже дочери пятьдесят лет. Правнука хочу дожидаться. И она все говорит: «Мама, я вот молодая, и то чуть — устала, а у тебя откуда столько сил?» Даже белее отжать она возьмется, а все течет. А я отожму до капельки. Просто закалка такая. Я все время говорю молодым: самое главное — это сила воли. Если бы ее не было, вряд ли удалось бы выжить. А так я даже не знаю, что вам и рассказывать, я же не была на самой передовой...
Светлана ГАВРИЛИНА

Музей — не архивная пыль...

Этой стихотворной строчкой начал торжество в связи с тридцатилетием историко-краеведческого музея 289-й школы Красносельского района его давний хранитель Ефим Юрьевич Зубаровский. Потом пел детский хор. Одна песня называлась «Прорыв», вторая — «Гора Воронья». Автор песен — Зубаровский. Ну да кто же этого не знает в здешних окрестностях? Смело скажу: Ефим Юрьевич Зубаровский за сорок лет учительства стал в этих местах такой же достопримечательностью, как школа с башенкой, как дудергофский родник, как сама Воронья гора — высшая точка которой виден весь наш прекрасный город.

Судьба распорядилась — стоять этой школе на Вороньей горе в старинном селе Дудергово, при Петре переименованном в Дудергоф, а уже в наше время — Зубаровский. Ну да кто же этого не знает в здешних окрестностях? Смело скажу: Ефим Юрьевич Зубаровский за сорок лет учительства стал в этих местах такой же достопримечательностью, как школа с башенкой, как дудергофский родник, как сама Воронья гора — высшая точка которой виден весь наш прекрасный город.

Сотни эпизодов войны на дудергофских высотах хранит музей; и подвиги авиаторов, и подвиги бойцов и командиров 63-й гвардейской дивизии, которые в январе 1944 года ворвались на Вороньей горе знамя Победы.

И если два десятка воевавших мужчин (простите, что не называю все ваши имена) восприняли духом, если их чувство в то дель было таким сильным, а на душе потеплело, значит, музей греет. Музей — это их привал.

А хранителем его Ефиму Юрьевичу Зубаровскому вручили паспорт музея еще на новые пять лет. Значит, все остается, как было...

Людмила РЕГИНА

“О этот ад! Он с нами как наследство”

До Великой Отечественной войны в Ленинграде было 17 детских домов, где воспитывались 1025 детей. За годы блокады сирот стало более 40 тысяч. Разве можно забыть время, когда игрушки вместо игрушки играли в прятки со смертью.

Будучи одиннадцатилетней девочкой, я шесть месяцев жила одна с пятилетним братом в холодной без стекла квартире почти пустого десятиэтажного дома на Московском шоссе, 11/13, корп. 10 (около парка Победы). Известно, что за Московской заставой была прифронтовая зона, и проходили туда только по пропускам.

Отец умер 31 декабря 1941 г., мама работала на военном заводе и приходила навещать нас один раз в неделю, а 15 мая 1942 г. она погибла. Примерно через месяц к нам пришла двоюродная тетя Поля и сказала, чтобы я с братом пошла в детский дом. Но как это сделать? Транспорт не было, братишка чуть живой от голода и холода. У меня опухли ноги настолько, что я с трудом надевала мамнины туфли (как мне потом объяснили, было обострение ревматизма). И ведь догадалась! Выкупила дневной паек хлеба, взяла толчилку для карандашей, отрезала лепесток хлебнушка и говорила брату, что, как только он придет в детдом, я буду отрезать ему по тонкому кусочку хлеба. Мы пойдя целый день добирались в детский приемник на Разъезжий улице. На Лигоском проспекте брат упал и не мог больше встать, да и хлеб уже кончился. Проходивший военный взял его на руки и принес в медсанчасть детского

муляйнен и Ефим Юрьевич Зубаровский. Три имени у истоков. Три десятилетия творческих поисков, в которые вовлечены все школы, ветераны войны, старожилы...

И вот они собрались отпраздновать его тридцатилетие в январские, традиционно блокадные дни — седьмидесятилетие ветераны, те, кто сражался на Вороньей горе и лез в окопы врага на подступах к Ленинграду; самые первые краеведы-школьники, а ныне врачи, инженеры, переводчики; друзья отовсюду — директор совхоза Р. Н. Целиков, контр-адмирал с крейсера «Аврора» Л. Д. Чернавин, архитектор А. Д. Левенков, народный артист Ленинграда, который оставил свои чины за порог школы и слился с массой, подвывая детскому хору.

Сотни эпизодов войны на дудергофских высотах хранит музей; и подвиги авиаторов, и подвиги бойцов и командиров 63-й гвардейской дивизии, которые в январе 1944 года ворвались на Вороньей горе знамя Победы.

И если два десятка воевавших мужчин (простите, что не называю все ваши имена) восприняли духом, если их чувство в то дель было таким сильным, а на душе потеплело, значит, музей греет. Музей — это их привал.

А хранителем его Ефиму Юрьевичу Зубаровскому вручили паспорт музея еще на новые пять лет. Значит, все остается, как было...

Людмила РЕГИНА

Нам дней блокадных не забыть

Концерт под таким названием прошел недавно в исполнении театра «Родом из блокады» в концертном зале Гигант-холла. Впрочем, прошел — не совсем верно. Незадолго до окончания прекрасного спектакля раздался звонок с анонимным сообщением о якобы заложенной в зале бомбе. Концерт пришлось прервать, а зрители — эвакуировать. Слова-то какие — бомба, эвакуировать, словно речь идет о зоне военных действий. Надо сказать, к чести собравшихся в зале ветеранов, что никакой паники не возникло: людей, глядевших в глаза смерти в самой страшной войне, не испугать пустыми угрозами. Никаких истерик, обмороков, криков. Кто-то даже не хотел уходить — мол, надо блокадников, так просто не возьмешь. И как когда-то, они затаились в блокаду способ справиться со страхом.

И снова нахлынули воспоминания — чужой злобный взгляд, полумиллиард людей, надежда, отступившим людям праздник не оправдался. Ленинградцы вспоминали, как в те блокадные дни концерты блокадных театров вот так же прерывались фа-

шистскими налетами. Театр музыкальной комедии, Театр им. В. Ф. Комиссаржевской, актеры Театра оперы и балета им. Кирова, выступавшие на сцене Горьковского театра, ныне Театра Комедии, музыканты Филармонии — у них хватало нравственных и физических сил доказать, что, когда грохочут пушки, музы не молчат. Они пели, играли, читали стихи и тем самым тоже приближали победу.

Они ездили на передовую, выступали на кораблях, в блиндажах, в землянках, они были такими же бойцами, только вместо автоматов их оружием был талант и беззаветное желание дарить людям радость.

У блокадных артистов сложилась традиция — прерванный бомбежкой спектакль прервать было доигрывать с того самого места, где пришлось опустить занавес.

И тот прерванный в мирное время спектакль будет доигран. В самое ближайшее время театр «Родом из блокады» вновь пригласит всех зрителей на завершающий концерт, чтобы доказать, что связь времен не прервалась и блокадную память не стереть никакими наветами.

Ольга НИКОНОВА

приемника-распределителя. Так я спасла от смерти брата. Нас лечили в течение месяца. Очень помогли прогулки на Волковском кладбище, где мы ели траву, особенно любили листья липы, искали и жевали еловую смолу.

В августе месяце 1942 г. нас эвакуировали в 76-м детском доме в Ивановскую область, Пучежский район. Детей переправляли через Ладогу на барже под постоянными обстрелами. Слышали, как волновались наши сопровождающие — тоную суданку с детьми. На «большой земле» мы полком добирались до железнодорожного состава, где в вагоне нам дали по большому куску хлеба и даже шоколадку. Какое это было счастье! Время это сейчас вспоминается как страшный сон.

В селе Мортки ребята разместились в помещении фабрики. Дети еще не окрепли, часто болели, палаты огромные и холодные. Старшие ребята ходили по деревьям и проносили милостыню, а когда ее приносили, то дели-

ли на весь отряд по очереди.

Наряду с учебной работой ребята обрабатывали землю, выращивали овощи и картофель, девочки учились плести корзинки, ходили в колхозы терять лен.

Гордость детского дома был хор, созданный Павлом Павловичем артистом Ленинградского филармонического хора.

Наш детский хор прославился в Ивановской области, и благодаря гастролям значительно улучшился материальная база детдома. Даже были шиты костюмы для хористов.

В 1945 г. детский дом возвратился в Ленинград в полном составе — сто человек. Этим гордился весь коллектив. У многих началась сложная самостоятельная жизнь.

В суровое военное время нас объединяло общее горе, вызванное войной. Сформировалось достаточно устойчивое детдомовское братство, у многих оно сохранилось на всю жизнь.

Союз появился не сразу. Сначала бывшие воспитанники периодически встречались с воспитателями. Вспоминали военное время, делились своими радостями, вместе горевали об утратах. В 80-е годы стали традиционными встречи в святые для ленинградцев дни — в день прорыва блокады и полностью освобождения Ленинграда, в День Победы.

Чаще стали встречаться с действующими детскими домами города.

В 1997 г. наш союз был официально зарегистрирован, а по существу, ему нынче исполнилось 30 лет. С 1995 г. число членов союза увеличилось в два раза. Принято три тысячи человек, и создано 16 районных организаций. Приютил нас культурный центр «Надежда», выделив симметричную комнату на четвертом этаже бывшего Горьковского дворца. И только в январе 1998 г. нам предоставили помещение на Пушкинской 5, которое нужно еще отремонтировать. Теперь на первый план выдвинулась необходимость оказания помощи инвалидам (а их у нас более 50%), одиночкам. По микрорайонам ведется индивидуальная работа с членами союза. Другими словами, помогаем социальным работникам на общественных началах.

Мы умеем устраивать праздники, встречи, отмечаем юбилейные даты членов союза с чаепитием и скромными подарками. Бывают встречи с ребятами детских домов, расположенных в микрорайоне.

Подчас беремся за решение сложных, в том числе жилищных, вопросов. Так, в 1997 г. председателем союза Н. Фадеевой удалось помочь получить однокомнатную квартиру бывшей воспитательнице детдома Баранцевой О. П., которая в возрасте 88 лет с дочерью-пенсионеркой три года скиталась по углам друзей и знакомых из-за соседки по коммунальной квартире, создававшей невыносимые условия жизни.

Фадееву Н. В. единогласно избрали председателем правления теперь уже Регионального объединения воспитанников детских домов блокадного Ленинграда. О нашем союзе знают не многие — мы не гонимся за рекламой. Но всегда будем рады новым товарищам, знающим, что такое блокадное детство, и готовым крепить наше блокадное братство.

Зинаида ГРИГОРЬЕВА